

Бэзил Дэвидсон — известный современный английский историк-африканист, решительный противник колониализма. Советский читатель знает его по монографии «Новое открытие древней Африки» и роману «Речные пороги».

Здесь мы публикуем отрывки из новой книги Дэвидсона «Черная мать», посвященной истории работорговли в Африке и разоблачению буржуазных фальсификаций африканского прошлого.

Черная мать

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ

БЭЗИЛ ДЭВИДСОН

НЕ БЫЛО ни конца, ни края страданиям и несчастьям. Смерть так беспощадно косила людей в Америке, что каждые несколько лет приходилось вновь завозить туда рабов. Документы красноречиво рассказывают об этом...

В 1829 году некий англичанин по имени Уолш плыл из Бразилии на британском фрегате «Северная звезда». В южной части Атлантического океана фрегат задержал невольничье судно, и Уолш взшел на борт его. Позднее он описал все увиденное — ныне уже всем известные ужасы перевозки рабов. Груз корабля состоял из 505 мужчин и женщин (за 17 дней плавания матросы выбросили за борт 55 трупов), причем все рабы «находились между палубами, в зарешеченном трюме. Там было так тесно, что им приходилось сидеть друг у друга между ног, сплошными рядами; они не могли прилечь ни днем, ни ночью и вообще не в состоянии были изменить позу. Поскольку рабы принадлежали различным хозяевам, на теле у них были клейма самых разных форм. Эти клейма выжигали раскаленным железом, — как с полным равнодушием рассказал мне помощник капитана, — или на груди раба, или на его руке...»

Поработавшая африканцев, европейцы унижали и свое человеческое достоинство. Они всерьез верили, что Африка находится в состоянии первобытного хаоса, что у африканцев никогда не было

ничего похожего на самобытный общественный порядок и что африканские рабы не заслуживают лучшей участи. Так рабовладельцы оправдывали свою жестокость.

Африканские рабы к XIX веку вдохнули жизнь в огромные районы Нового Света, но об их роли в возрождении этого края либо забыли, либо просто не хотели вспоминать. В 1849 году Томас Карлейль без всякой иронии говорил: «Сколько героизма должны были проявить европейцы, прежде чем для негра в Вест-Индии была выращена хотя бы одна тыква; сколько их погибло, прежде чем удалось распахать джунгли, осушить гниющие болота, напоить дикие пустыни...» Так история была поставлена с ног на голову.

* * *

Но есть свидетельства подлинной истории.

Возьмем, например, Жасинту де Сикейра, негритянку из Бразилии. Разрозненные, но исключительно интересные фрагменты ее биографии были собраны Луисом Пинто, трудолюбивым чиновником из провинции Минас-Жераис.

Провинция Минас представляла собой дикое «сертао» — свободные бесплодные земли далеких глубинных районов, о которых с ужасом говорили поселенцы прибрежных территорий Бразилии. Даже теперь о людях, покорявших и осваивавших «сертао», вспоминают как о героях, полных огня и энергии, беспокойных и отважных, предприимчивых и честлюбивых.

Пионеры отправлялись в поход с побережья маленькими группами — «бандейрас». 10—20 человек упорно карабкалось на вершины неизвестных гор, а за ними двигались мулы и лошади с тяжелым грузом. Мужчины были в кожаных куртках и штанах, женщины — в длинных хлопчатобумажных платьях; их головы покрывали широкополые соломенные шляпы. Смельчаки шли, помахивая кнутами, а за спиной у них торчали дула старинных ружей. Эти люди взяли на себя тяжелую задачу освоения новой страны. Именно они открыли там невиданные залежи минеральных богатств.

Обычно никто не видел, как они отправлялись в поход, ибо среди «бандейрантов» было много черных — беглых рабов с плантаций. Стоило им укрыться от царившей на побережье тирании, и они устанавливали свои собственные законы, как это делали пионеры в других странах.

Они хотели построить новую жизнь, отыскать золото и серебро, алмазы и изумруды, которые, как гласила молва, были скрыты в недрах этой сказочной, но неизведанной «сертао». Когда выпадала удача, лагеря превращались в города; некоторые из них стали большими городами Бразилии. «Бандейранты» женились или брали любовниц и производили на свет множество детей — коричневых, черных, белых и всех промежуточных оттенков. Немало

детей и внуков «бандейрантов» стало строителями нынешней Бразилии.

По словам Пинто, примерно в 1700 году группа таких пионеров отправилась из порта Байя внутрь страны и достигла отдаленных диких районов, которым было суждено стать провинцией Минас-Жераис. Среди них были «самые различные бандейранты», в том числе и Жасинта де Сикейра.

Жасинта стала знаменитостью. Ей приписывают «открытие золотых месторождений в ущелье Катро Винтенс и основание поселения Вилья Ново до Принсипе в 1714 году». Утверждают, что она была родоначальницей не одной, а нескольких семей. Женщин не хватало, а земля требовала все больше и больше рабочих рук. «Отцы всех сыновей Жасинты де Сикейра были богатыми и видными людьми,— говорится в летописи,— и многие из них занимали важные государственные посты».

Что же представляет собой родоначальница самой богатой провинции Бразилии? Пинто называет Жасинту «знаменитой африканкой». Из этого мы можем судить, что Жасинта была привезена рабыней из Африки или же родилась в рабстве в Бразилии. Очевидно, родом она была с Гвинейского берега или из Анголы. Легко можно вообразить эту женщину — крупную, сильную, уверенную в себе, с упрямой головой и грубой моралью. Такой тип женщин путешественник может встретить сегодня в любой деревне Западной Африки.

Африканцы-рабы обрели здесь свободу и теперь на практике применяли свои знания и мастерство. Еще будучи рабочими на прибрежных плантациях, они успешно обрабатывали землю в привычных для них климатических условиях. Здесь, в глубине страны, они занимались скотоводством, которому научились в африканских саваннах. Они вспомнили, как в прошлом добывали руду, плавил металл и ковали орудия производства. Может показаться странным, но именно африканцы, будь они рабами или свободными, зачастую вели за собой других.

В 1818 году шведский инженер фон Эшвеге, вернувшись из Бразилии, опубликовал мемуары. «Минас-Жераис, — пишет он, — была, по-видимому, последней провинцией, где добыче железной руды и извлечению из нее железа учились у африканских негров-рабов». Эти африканцы пользовались небольшими плавильными печами и ручными мехами — традиционной африканской техникой.

«Добыча золота в бразильских горах, — замечает Лоури, — осуществлялась руками негров, а развитие горной промышленности колониальной Колумбии было бы невозможным без негров-рабов». Роберто Симонсен в своей интересной книге, считает, что в XVIII веке в бразильской горнодобывающей промышленности было занято не менее 600 тысяч негров. По наблюдениям Юбэнка, даже в 1856 году в Рио-де-Жанейро «методы обработки

меди очень напоминали наши... В одной мастерской работало 20 человек, и среди них не было ни одного белого лица». Но мастерству африканцы учились не у европейцев, они привезли его с собой из Африки на невольничьих кораблях.

Таких фактов множество. Об этом свидетельствуют даже народные обычаи. «Когда негру повезет найти алмаз весом в один октаво (17 с половиной каратов), устраивается пышная церемония. Ему водружают на голову венок из цветов и затем несут в паланкине к администратору. Тот платит его хозяину компенсацию и отпускает негра на волю. Счастливчик получает в подарок новую одежду, и отныне ему разрешается работать на самого себя...»

Таким образом, в старой Бразилии негры были своего рода «техническим персоналом». Юбэнк писал в середине XIX века: «Я видел, как рабы исполняют обязанности плотников, каменщиков, мостовщиков, печатников, рисовальщиков вывесок, краснодеревщиков, золотых дел мастеров, ювелиров, литографов. Они же изготовляли лампы, украшения для офицерской формы и т. п.». К концу XVIII века на сахарных плантациях Бразилии работало не менее миллиона африканских рабов. Негры не только выполняли все полевые работы, они заложили основы бразильского искусства и ремесла, бразильской промышленности. Они обрабатывали землю, выращивали скот, добывали минералы и накапливали богатства — иногда для себя, но большей частью для других. Они отнюдь не были склонны к «пассивному повиновению» — нет, они то и дело поднимались на борьбу, создавали свои свободные республики. К культуре Европы и Южной Америки негры добавили свою культуру, ибо, помимо силы и мастерства, они привезли сюда свои песни, свои суеверия и религию. Они были, как говорит Фрейре, «активным, созидательным и, можно сказать, благородным элементом в истории колонизации Бразилии».

* * *

В условиях колониальных захватов афро-европейские отношения вступили в новую, решающую фазу. С этого момента события разворачивались все быстрее, и всякое действие немедленно встречало противодействие.

Годы колониального режима были, конечно, весьма унижительными, часто жестокими, иногда до крайности бесплодными. Но они составляли меньше трети основного периода работорговли и едва охватывали жизнь двух поколений. Этот режим неумолимо вел к зарождению нового общественного сознания, политическому пробуждению, возрождению африканской культуры. В этом заключалась глубокая ирония колониального периода.

Афро-европейские связи не были основаны на равноправии, которое могло бы широко открыть африканцам двери во внешний мир, но они не бы-

ли в то же время и полным порабощением, которое могло бы автоматически вызвать рост африканского самосознания, политические перемены и экономический прогресс. Строго говоря, связи с Европой были для Африки трагедией. Хотя африканцам и удавалось сохранить чувство юмора, чистые надежды, любовь и волю к жизни, все же контакт с Европой, как правило, сулил им смерть и рабство. Таков и должен быть отправной пункт при оценке последствий колониализма в Африке.

Примерно после 1650 года африканская продукция на экспорт свелась к одному товару — живому. Таким образом, экономическое развитие прибрежных районов Африки тормозилось в то самое время, когда расширение производства потребительских товаров на экспорт вело в Европе к бурному экономическому расцвету ее морских держав.

Причины задержки в развитии различны. Совершенно ясно, что вывоз мужчин и женщин, которые могли бы производить на родине материальные ценности, вел к обнищанию. Экспортируя рабов, африканские государства экспортировали свой капитал, не получая ничего взамен и лишаясь возможности укреплять свою экономику. В этом отношении экспорт рабов коренным образом отличался от более или менее вынужденной эмиграции обнищавших людей из Европы XIX столетия. Миллионы людей, покинувших Британию в эти годы, продолжали участвовать в процессе капиталистической экспансии и в той или иной форме приносили пользу родной стране. Но африканские рабы способствовали лишь обогащению своих господ, они создавали богатства, которые никогда не возвращались в Африку. Конечно, работорговцы-африканцы получали вознаграждение за проданных ими рабов, но сами условия обмена исключали возможность накопления капитала, которое способствовало бы развитию экономики. Тот «капитал», что накапливали короли и торговцы рабами, заключался в стеклянных бусах и оружии.

* * *

Можно проследить четыре главных фазы в политических отношениях Африки с Европой. Сначала контакты сводились к простому соприкосновению, иногда широкому, но чаще в виде военных столкновений.

Возросшее значение побережья дало себя чувствовать в XVI веке. Жители этого нового пограничного «района больших возможностей» скоро приспособились к изменившимся условиям и стали активно защищать и расширять свои интересы в заморской торговле. Это была вторая фаза — фаза быстрого роста торговли и политических союзов.

В начале XVII века стало укрепляться сотрудничество между европейцами и жителями побережья. Процесс этот не протекал гладко — шла острая

борьба за монополистические привилегии: между европейцами — за монополию на море, между африканцами — за монополию на суше. Так или иначе, на протяжении этой третьей фазы удавалось поддерживать равновесие сил, основанное на работорговле и сохранявшееся до XIX века. Европейцы мирились с тем, что их деятельность была ограничена торговлей с кораблей или на случайных прибрежных участках. Африканцы так распределили сферы влияния, что в каждом прибрежном районе господствовало населяющее его сильное племя.

В XIX веке, с началом четвертой фазы, равновесие вновь было нарушено. Запрещение англичанами и французами работорговли совпало с рождением империализма. Вскоре европейцы оказались втянутыми в африканскую политическую борьбу; они вмешивались в нее, заключая союзы с маленькими прибрежными государствами против стран внутренних районов Африки. Само собой разумеется, что промышленная Европа одерживала верх над отсталой Африкой.

Внимательное изучение менявшихся отношений с Европой показывает, что каждая из этих фаз органически связана с последующей. Работорговля, кризис, колониальное вторжение — все это были различные аспекты единого процесса. Таким образом, бывшее прибрежное торговое сотрудничество расчистило путь колониальной системе. Оно как бы манило ее за собой.

Лучшей иллюстрацией к этому служит влияние, которое оказала работорговля на формы правления в африканских государствах. Связи с Европой приводили к окостенению традиционных африканских институтов, к потере ими последних остатков гибкости. Это играло на руку тем, кому были невыгодны какие-либо социальные перемены, и парализовало волю к установлению новых, более эффективных и современных политических институтов. Были, конечно, и исключения, но они лишь подтверждают правило.

* * *

Причины прогресса Европы в период между XV и XIX веками хорошо известны. Здесь я стараюсь вскрыть причины застоя и упадка Африки и тем самым объяснить, почему в области культуры брешь между ведущими государствами Африки и Европы в этот период превратилась в непреодолимую пропасть, почему колониальный захват был молниеносным и всеобъемлющим, почему европейцы стали утверждать, что африканцы «примитивны», «некультурны» и «неспособны иметь свою собственную цивилизацию».

Сближение Африки и Европы породило еще одно зло. Оно выработало у европейцев психологию расового превосходства, которая ускорила колониальные завоевания и до сих пор, словно яд,

отравляет наше сознание. Европейцы убедили себя, что работорговля — это не их изобретение, а «естественное» следствие безразличного отношения африканцев к человеческой жизни.

На психологию африканцев годы рабства оказали противоречивое действие. Иногда у африканцев появлялось чувство неполноценности, а временами даже чувство вины и стыда. Эти чувства в той или иной форме проявляются и поныне.

Спесь и стыд, чувство превосходства и чувство неполноценности — пережитки прошлого, с которыми теперь надо решительно покончить. Но этого нельзя сделать, пока не будет понят подлинный характер и ход истории работорговли.

Всему, что было раньше, необходимо положить конец. Человечество слишком тяжело переживает старые ошибки и огрехи. Пора извлечь из них все полезные уроки, а затем предать их забвению.

Народы продолжают жить. Какое бы разрушительное влияние ни оказывали прошлые столетия на народы Африки, они сохраняли твердую веру в жизнь и свои силы. Благодаря этой глубокой вере работорговля не привела к непоправимым бедствиям. Сегодня африканские народы вновь утверждают свое равенство и единство с остальным человечеством.

Не следует злоупотреблять терминами «застой» и «загнивание». Известно немало разрозненных попыток найти новые пути в новой ситуации. Временами они проявлялись в той энергии, с какой африканцы перенимали новые технические навыки или изобретали их сами, а затем успешно соперничали с иностранными партнерами и противниками. Такие попытки предпринимали и все те африканцы, кто боролся против порабощения, против власти надменных вождей и вторжения чужеземцев.

Но не только в самой Африке можно отыскать свидетельства стремления африканцев к восстановлению своего человеческого достоинства. Бесчисленные рабы отказывались подчиняться судьбе, поднимали мятежи против своих господ, создавали свободные республики в Америке или умирали, сражаясь. За это боролись «мятежники» на невольничьих судах, безымянные герои, революционеры Гаити и негритянские солдаты Боливара. Они боролись за равенство и, хотя они этого и не признавали, за единство. Я уже не говорю о первых борцах за освобождение негров в Соединенных Штатах.

В наши дни единство в борьбе за освобождение вновь крепнет во всем мире. Людей в Европе и других частях света, которые осознали, что возрождение Африки сулит им самим духовное раскрепощение, горячо приветствуют громкие голоса новой жизни в Африке, радостные, полные веры и надежды.

Перевели с английского
М. Зенович и О. Орестов

ВОДА И СЛЕЗЫ

(Окончание. Начало см. на стр. 47)

норском пункте крови нет.—Сообщив все это, сестра повернулась, чтобы идти по своим делам.

— Сестрица, если нет крови, то я могу дать, возьмите.

Услышав слова Бандари, сестра остановилась и внимательно посмотрела на рикшу.

— Я передам доктору. Посиди пока на той скамье,—приветливо сказала она.

Исследовав кровь Бандари, доктор обрадовался: она оказалась той же группы, что и кровь пострадавшего. Ведь кровь не изменяется в зависимости от принадлежности человека к той или иной касте. И скоро кровь налявана Бандари была влита в тело высокороджденного Сваминатана. Подойдя к Бандари, отдохавшему на скамье, доктор ласково похлопал его по плечу и сказал:

— Ты дал не только кровь больному — ты дал ему новое рождение. Вот тебе десять рупий. Мой подарок... Тебе сейчас нужно хорошенько подкрепиться.

Бандари отказался принять деньги. Он сосредоточенно теревил край рубахи, словно хотел о чем-то попросить, но не решался. Доктор вопросительно посмотрел на рикшу:

— Скажи, что ты хочешь. Ну, скажи, не бойся.

— Доктор! Разрешите мне взглянуть на него... На раненого.

Доктору просьба Бандари пришлась по душе. Этот рикша определенно нравился ему. Через пятнадцать минут Бандари вошел в больничную палату. При виде его на измученном, побледневшем лице Сваминатана показалась улыбка. Превозмогая боль, он повернулся к посетителю.

— Скажи, Бандари, почему ты мне даровал жизнь, мне, негодяю и дурному человеку? Ведь я тебя зверски избил, поджег твой дом. Я поступил с тобой подло, как собака. Почему же ты помог мне?

Слезы наполнили глаза Сваминатана, хлынули через край. Схватив Бандари за руку, он жалобно умолял:

— Скажи, Бандари, скажи что-нибудь.

От переполнившего его счастья у Бандари тоже навернулись слезы, однако он не дал себе воли. Спокойным голосом, четко прозвучавшим в наступившей тишине, он произнес:

— Я — человек. И ты — человек. Ты и я, мы оба — рабочие.

Перевел с тамильского

Р. Иванов